The adaptation of lingvoculturemes during the translation process is also described. Special attention is given to the high frequency of past tense verbs that denote gestures, space and emotions.
Key words: literary text, modeling, cognitive script, kinemes, proxemes.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКОГО ОНИМИЧЕСКОГО КОДА В УРБАНОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФРАНЦИИ

Волошкина Инесса Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье, рассматривающей проблему репрезентации русского онимического кода в атрибутивной части французских урбанонимов, выявлено, что формированию русского онимического кода способствует широкая национальная и историческая известность денотата русского онима, устойчивость ассоциативно-культурного фона онимической единицы и актуализация ценностно значимой культурной информации, вписанные в систему трансляции русской культуры. Использование русского онимического кода, представленного антропонимическим, топонимическим, лингвокультурными субкодами «титулы», «архитектурно-гастрономический» в агоронимах, годонимах, хоронимах, экклезионимах, ойкодомонимах, стафмонимах, синдриванионимах, мотивировано увековечиванием памяти о победе французской армии в составе союзников на территории России, об исторических событиях, связанных с русско-французским сотрудничеством, о великих русских высокопоставленных персонах, политических деятелях, деятелях культуры и науки России.
Ключевые слова: антропоним, гефироним, годоним, линвокультурный код, онимичсеский код, урбаноним, хороним

Урбанонимическое пространство образовано совокупностью наименований всех топографических объектов внутри населенных пунктов, то есть урбанонимами. Урбаноним представляет собой ключевой термин городского онимического пространства, а именно, имя собственное – официальное или неофициальное – топографического объекта внутри населенного пункта. Мощный импульс развития русская урбанонимия получила в 1960-е годы одновременно с возросшим интересом к ономастическим исследованиям, однако, необходимо отметить, что на сегодняшний день единой общепринятой теории, описывающей русскую урбанонимию, пока не существует, следовательно, не существует единого подхода к классификации урбанонимов. Классификация урбанонимов представлена в работах А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Р.В. Разумова, М.В. Горбаневского, А.М. Мезенко, А.Н. Соловьева, К.С. Горбачевича, А.Д. Ерофеева и др. По нашему мнению, в состав урбанонимов входят: 1) агоронимы (территориальные наименования площадей, рынков и других открытых пространств населенных пунктов), 2) годонимы (названия линейных объектов населенных пунктов: улиц, проспектов, аллей, переулков и т.д.), 3) хоронимы (собственные имена любых внутригородских небольших по площади территорий, имеющих определённые границы: районов, парков, скверов и т.д.), 4) экклезионимы (названия культовых

сооружений, священных камней, святых источников и др.), 5) ойкодомонимы (имена собственные зданий в населенных пунктах), 6) гефиронимы (имена собственные мостов), 7) некротопонимы (имена собственные территорий для погребения), 8) стафмонимы (от греч. *σταθμός* ‘станция’, имена собственные станций: железнодорожных, автомобильных, метро), 9) синдриванионимы (от греч. *σιντριβάνι* ‘фонтан’, имена собственные водных источников внутри населенных пунктов: фонтанов, искусственных гейзеров, водопадов, каскадов).

Несмотря на то, что урбанонимы представляют собой совокупность имен собственных разнотипных объектов, входящие в их состав языковые единицы объединены в один континуум, направленный на выполнение идентичных функций, что служит причиной для их объединения в одну категорию: их языковой контекст (названия внутри населенных пунктов) выступает следствием контекста объектов (все называемые объекты располагаются внутри населенного пункта). Кроме того, связь устанавливается между означаемой формой (названием) и пространственным понятием (местом) внутри определенной языковой системы.

Урбанонимы являются наиболее подвижными и изменяемыми типами топонимов. Как только улицы, площади, скверы переходят от стадии простонародных названий к стадии общепризнанных и всемирно известных, они превращаются в лингвокультурные символы, не только репрезентирующие сложившееся мировоззрение этноса, но и содействующие генерированию новых смыслов, способных актуализироваться в сознании человека благодаря фоновым культурологическим знаниям и «знаково-символической интерпретации первичных образов» [Алефиренко, 2011, с. 7]. Урбанонимы являются свидетелями истории: они отражают этапы развития населенного пункта, его социальную и политическую жизнь, его связи с региональным и национальным контекстами, образ жизни его жителей, их обычаи и традиции, а также их взгляды на происходящие события на внутригосударственной и внешней мировой арене. Урбанонимические единицы отражают исторические факты каждого конкретного населенного пункта точно так же, как они отражают и свидетельствуют о национальной истории, об эволюции конкретного языка, национальной памяти, познании мира, мироощущения конкретного этноса в пространстве и во времени.

Урбанонимы, представляющие собой наиболее распространенный и востребованный класс топонимов в силу своей значимости для человека в пределах населенного пункта, осуществляют не только функции (1) конкретной локативной идентификации пространства населенного пункта или вне его, (2) темпоральной маркированности, манифестируя исторические этапы развития как конкретного населенного пункта, так и периоды развития топонимики страны, но и (3) ретранслятора пространства духовной культуры с ее символическим потенциалом, т. е. урбанонимы выступают в качестве культурных знаков, несущих культурные смыслы и актуализирующих ценностные представления о том или ином месте, значимые для познания этнической ментальности, специфики сформированного в конкретной культуре мировоззрения.

В данной статье внимание сосредоточено на урбанонимах на территории Франции, репрезентирующих русский лингвокультурный код. Согласно исследованиям В.А. Горицкого, посвященным урбанонимам Парижа, русскоязычные наименования только в Париже составляют 50 из 5 000 всех внутригородских объектов, то есть примерно 1% [Горицкий, 1997, с.11].

Урбанонимические единицы во Франции представляют собой богатое лингвистическое наследие франкоязычной топонимики. Во французском языке отсутствует понятие «урбаноним». Необходимо уточнить, что французская топонимическая система соответствует международной системе терминов, разработанной Международным ономастическим советом ICOS (International Council of Onomastic Sciences), при анализе которой отмечается, что российская ономастическая система является более разработанной: в ней выявляется как наличие понятия «урбаноним», хотя все еще совершенствующегося, так и присутствие подробных гиперо-гипонимических связей внутри понятия «урбаноним». Во французском языкознании вместо понятия «урбаноним» используется понятие «годоним» или «одоним» – языковое выражение определенного типа, выступающее как наименование любого линейного или нелинейного географического объекта населенного пункта, состоящее из двух отдельных частей: так называемой общей, или генеративной части, представляющее собой номенклатурное слово, которое соответствует нарицательному существительному с общим значением, указывающим на тип транспортного пути, сооружения, объекта населенного пункта, и, чаще всего, расположенному в начале группы слов; и так называемая «конкретная» часть, или атрибутивная, которая представлена именем собственным. Кроме того, во французских урбанонимах обнаруживается связующий компонент двух частей – предлог *de*. Например, в высказывании *rue de Chéroy* ‘улица де Шеруа’ номенклатурным является термин *rue* ‘улица’, а конкретным – *Chéroy* ‘Шеруа’.

Номенклатурное слово во французской топонимической системе в пределах населенного пункта и в его окружении может быть представлена следующими лексемами: *allée, f* ‘аллея’, *anse, f* ‘бухта’, *arcade, f* ‘аркада’, *avenue, f* ‘проспект’, *boulevard, m* ‘бульвар’, *carrefour, m* ‘перекресток, развилка’, *chaussée, f* ‘шоссе’, *chemin,* m ‘дорога’, *cité, f* ‘микрорайон, жилой комплекс’, *cour, m* ‘двор’, *esplanade, f* ‘площадь, эспланада’, *galerie, f* ‘галерея’, *jardin,* m ‘сад’, *impasse, f* ‘тупик’, *parvis, m* ‘часть улицы, площади и т.п. перед фасадом строения’, *passage, m* ‘переход’, *péristyle, m* ‘площадь с колоннадой’, *place, f* ‘площадь’, *pont* m ‘мост’ *port, m* ‘порт’, *porte, m* ‘пешеходная дорога’, *promenade, m* ‘прогулочная дорога’, *quai, m* ‘пирс, набережная’, *rue, f* ‘улица’, *ruelle, f* ‘проулок’, *sente, f* ‘тропа’, *sentier, m* ‘тропинка’, *square, m* ‘сквер’, *terrasse, f* ‘терраса’, *villa, f* ‘дорога среди частных домов’.

В лингвокультурной перспективе, которая способствует сохранению культурной памяти, ценностных смыслов и совершенствованию исторического познания, урбанонимы не только выполняют функцию географической и этнокультурной идентификации, но и выстраивают сложные семантические пути, условные и иногда оригинальные, пронизывающие тонкую культурную, самобытную, эмоциональную национальную материю и генетически усвоенную

этническую память субъекта или группы субъектов. В рамках лингвокультурного подхода, который объединяет язык, культуру и познание, урбаноним, как любое собственное именование, может рассматриваться как место лингвистической памяти и как этнокультурный организатор познания, позволяющий созидать национальную коллективную историю.

Урбанонимы с их культурными смыслами, ценностными ориентирами, национальными стереотипами упорядочиваются в систему лингвокультурных кодов, обладающих, «помимо собственно денотативного значения, культуроносными смыслами» [Красных, 2014, с. 172]. Синергия возникающих внутренних смысловых связей, являющихся базисом для семантизации урбанонима, и внешних связей, проявляющихся в соотнесении языкового знака с каким-либо кодом культуры, предполагает ассоциативно-образное переосмысление семантики данной единицы в категориях определенной культуры. Формированию русского онимического кода способствует широкая национальная и историческая известность денотата русского онима, устойчивость ассоциативно-культурного фона онимической единицы и актуализация ценностно значимой культурной информации, вписанные в систему трансляции русской культуры. При этом ассоциативно-культурный фон онима создан, согласно Н.А. Максимчук, сопутствующей информацией, содержащей фоновые культурные смыслы [Максимчук, 2002, с. 166], надстраивающиеся над языковой семантикой, преобразующиеся в форму культурной коннотации и актуализирующиеся в процессе коммуникации в пространстве культуры [Ковшова, 2023, с. 750]. В составе урбанонима семантика атрибутивного компонента, представленного именем собственным, содержит исторически накопленную информацию о мировоззрении и системе жизненных ценностей народа-носителя онима. Объем семантики урбанонима генерируется блоками энциклопедической информации об именуемом урбанообъекте. Идиоэтничность потенциала имени собственного в семантической структуре урбанонима заключается в его ассимиляции с идиоэтничностью потенциала десигната онима. Процесс ассимиляции обусловлен тем, что интенсионал онима коррелирует с денотатом номинированного субъекта, объекта или реалии, который, как правило, детерминируется им, но не исчерпывается этими данными – он имеет приращенный культурный смысл, в котором отражен результат многократного исторического осмысления обозначенной реалии или её денотативного признака. Под реалией в исследовании понимается «субъект, объект, событие, ситуация, непосредственно относящиеся к данной культуре, либо так или иначе вовлеченные в предметно-практическую и / или духовную деятельность человека» [Савицкий, 1993, с. 117]. В импликационале значения онима как атрибутивного компонента сопряжены все потенциальные ассоциативные признаки. Импликационал онимического значения включает в себя культурные коннотации, представляющие собой продукт социально-исторического развития урбанонимической единицы, основывающегося на ассоциативно-образном представлении знаний об окружающей действительности. Культурная коннотация атрибутивного компонента урбанонима является результатом деятельности памяти, обусловленной

функциями, заключающимися в узнавании (этнический онимический культурный код, воспринимаемый в данный момент, воспринимался в прошлом), сохранении (удержание в памяти полученной информации о национальном культурном коде на протяжении определенной продолжительности времени) и воспроизведении (актуализация закрепленной ранее информации о культурном коде), а также выступает как условие устойчивости урбанонима.

Реализация культурной коннотации имени собственного обнаруживается в репрезентации культурного кода в составе урбанонимов. Культурный код – это уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некоей форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. В докладе, опубликованном в журнале «Изборский клуб», В. Аверьянов подтверждает мысль о сакральности национального кода, взаимосвязи культурного кода с народной памятью, историческим развитием этноса и сосредоточенности культурной энергии в закодированном культурном знаке: «Говоря о кодах – мы возвышаем кодирование до «живой памяти» <…> Коды обретаются не путём личного выбора <…>, а путём сверхличного отбора. <…> Коды живут в вечности, но одновременно они раскрываются в истории, в конкретных местах и местностях, в точках календарного цикла. <…> коды строят человека как наследника цивилизации и одновременно открывателя её новых, не существовавших до него высот» [Аверьянов, 2020, 10-11].

Культурные коды упорядочиваются в определенные страты картины мира, генерирующие представления человека о нагруженных культурными смыслами реалиях, относящихся к одному типу феноменов. Как отмечают в своих работах В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В.М. Шаклеин и другие, культура как поликодовый феномен представлена в виде культурных кодов, которые обладают способностью перевоплощаться, принимая вербальное выражение в форме лингвокультурных кодов. Сознание преобразует все полученные этносом знания о мире, язык же предстает как транслирующий конструкт полученных знаний, который регистрирует их в значениях языковых единиц и наполняет их определенным объемом национально-культурной информации (В. Н. Телия). Лингвокультурный код служит средством языкового выражения приобретенной, сгенерированной, аккумулируемой и транслируемой культурно значимой [Ефименко, 2012] для конкретного этноса информации. Лингвокультурный код является выразителем этноспецифических особенностей культуры конкретного народа, которые для представителей других народов воспринимаются в качестве чуждых и непонятных для них.

Следуя вышесказанному, предполагаем, что под лингвокультурным кодом понимается «симбиоз вербального и культурного кодов», являющийся следствием инкорпорации культурного кода в естественный язык и выкристаллизовавшийся в нем, это система объединенных тематической общностью культурных символов, являющихся носителем и транслятором определенной «конфигурации коллективного культурного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации» [Болдырев, 2009], представленных вербально, имеющих единую кодифицированную образную основу,

выполняющих знаковую функцию и закрепленных за десигнатами [Волошкина, 2019, 2020, 2022; Киреева, 2009; Уракова, 2022].

Доминирование в смысловой структуре онима емкого импликационала с учетом его культурных коннотаций обеспечивает возможность приобретения определенной частью онимических единиц статус онимического кода. Подобные онимы, репрезентированные в рамках топонимики, способны транслировать значительные объемы концентрированной значимой для этноса культурной информации. Урбанонимы, содержащие в своем составе имена собственные, построены по меморативному принципу, позволяющему увековечить имя известного человека или название географического объекта, и представляют собой урбанонимы-меморативы. Во французской топонимике можно выделить целый пласт урбанонимов-меморативов, содержащих в роли атрибутивного компонента русские онимы, которые представлены следующими видами лингвокультурных кодов: 1) антропонимы, представляющие антропомонимический код; 2) топонимы, реализующие топонимический код; 3) титулы, выражающие лингвокультурный субкод «титулы» ; 4) наименования мест размещения и предприятий общественного питания, репрезентирующие архитектурно-гастрономический лингвокультурный субкод .

Антропонимический код представлен несколькими категориями:

1) имена собственные политических и государственных деятелей: *Lénine* (80 урбанонимов), *Vladimir-Ilitch-Lénine* (2 урбанонима), *Wladimir-Lénine* (1 урбаноним); *Rosa Luxemburg* (14 урбанонимов), *Andrei Sakharov* (3 урбанонима);

2) имена собственные князей великорусских, российских монархов: *Pierre-le-Grand* (1 урбаноним), *Alexandre* (7 урбанонимов), *Alexandre III* (6 урбанонимов), *Nicolas II* (5 урбанонимов), *Alexandre-Nevsky* (1 урбаноним);

3) имена собственные космонавтов: *Gagarine* (7 урбанонимов), *Youri Gagarine* (16 урбанонимов); *Guerman Titov* (1 урбаноним), *Gwerman Titov Cosmonaute* (1 урбаноним), *Titov* (1 урбаноним), *Vladimir Komarov* (5 урбанонимов), *Valentina Terechkova* (9 урбанонимов);

4) имена собственные ученых: *Boris Vildé* (2 урбанонима);

5) имена собственные деятелей культуры:

а) композиторов: *Rachmaninov* (1 урбаноним), *Tchaïkovski* (3 урбанонима), *Piotr Ilitch Tchaïkovski* (1 урбаноним), *Serge Prokofiev* (7 урбанонимов), *Igor Stravinsky* (5 урбанонимов), *Stravinsky* (2 урбанонима), *Igor Stravinski* (2 урбанонима), *Moussorgsky* (5 урбанонимов), *Rimski-Korsakov* (2 урбанонима);

б) художников: *Marc Chagall* (7 урбанонимов), *Vassily Kandinsky* (4 урбанонима);

в) представителей русской хореографии: *Nijinsky* (1 урбаноним), *George-Balanchine* (1 урбаноним);

г) поэтов и писателей: *Alexandre Pouchkine* (1 урбаноним), *Maxime Gorki* (7 урбанонимов), *Tolstoï* (6 урбанонимов), *Léon Tolstoï* (7 урбанонимов), *Dostoïevski* (1 урбаноним), *Fédor Dostoïevski* (1 урбаноним);

д) музыкантов и певцов: *Mstislav Rostropovitch* (1 урбаноним) *Féodor Chaliapine* (2 урбанонима);

6) имена собственные религиозных служителей: *Mère-Marie-Skobtsova* (1 урбаноним).

Топонимический код представлен следующими категориями:

1) гидронимы: *Moscova* (2 урбанонима), *Moskowa* (1 урбаноним), *Neva* (1 урбаноним), *Alma* (10 урбанонимов);

2) ойконимы – названия населенных пунктов: *Péterhof* (1 урбаноним), *Moscou* (7 урбанонимов), *Inkermann* (7 урбанонимов), *Sébastopol* (20 урбанонимов), *Eupatoria* (3 урбаноним), *Cronstadt* (7 урбанонимов), *Kronstadt* (1 урбанонимов), *Stalingrad* (37 урбанонимов);

3) хоронимы: *Russie* (11 урбанонимов), *Malakoff* (15 урбанонимов);

4) ойкодомонимы: *Kremlin-Bicêtre* (2 урбанонима);

5) инсулонимы: *Crimée* (4 урбанонима).

Среди урбанонимов обнаружены также наследный титул российского царского престола, представляющий русский лингвокультурный субкод «титулы» – *Tzarewitch* (1 годоним), и наименование мест размещения и предприятий общественного питания, выражающий лингвокультурный архитектурно-гастрономический субкод – *Traktir* (2 годонима).

Анализ показывает, что во французской урбанонимии насчитывается 362 наименования, содержащие русские онимы, из них наибольшее количество составляют имена собственные политических и государственных деятелей – 100 урбанонимов, что составляет 27,62 % имена собственные космонавтов – 40 урбанонимов, что составляет 11,05 %, имена собственные композиторов – 28 урбанонимов, что составляет 7,73 %. Среди топонимов в качестве атрибутивной части французских урбанонимов в наибольшем количестве представлены ойконимы – 74 урбанонима, что составляет 20,44 %, второе место по частотности использования в качестве атрибутивной части в составе урбанонимов занимают хоронимы – 26 урбанонимов, что составляет 7,18 %. При этом необходимо отметить, что наиболее частотными являются: антропонимы *Lénine* (80 урбанонимов – 22,1%), *Youri Gagarine* (16 урбанонимов – 4,42 %), *Rosa Luxemburg* (14 урбанонимов – 3, 87 %); топонимы: *Stalingrad* (37 урбанонимов – 10,22 %), *Sébastopol* (20 урбанонимов – 5.52 %), *Malakoff* (15 урбанонимов – 4,14%); хороним *Russie* (11 урбанонимов – 3,04 %).

Количественный анализ генеративной части рассматриваемых урбанонимов обнаруживает преобладающее число лексемы *rue, f*, которая содержится в 254 годонимах (70,17 %), примерно одинаковое количество составляют лексемы *allée, f* – 30 годонимов (8,29 %), *avenue, f* – 27 годонимов (7,46 %), *boulevard, m* – 25 годонимов (6,91 %). Кроме того, отмечаются такие агоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы, гефиронимы, стафмонимы, синдриванионимы с русским культурным кодом как *Pont Alexandre-III, Quai Alexandre III, Place de Stalingrad, Fontaine Stravinsky, Jardins Rosa-Luxemburg, Square Tolstoï, station du métro Le Kremlin-Bicêtre, La cathédrale Saint-Alexandre-Nevsky, Promenade Féodor Chaliapine, arrêt Youri Gagarine.*

Как показывает наше исследование, мотивы, лежащие в основе французских урбаноименований с русским онимическим кодом обусловлены следующими ключевыми факторами:

1) именования в память о победе французской армии либо союзников, в составе которых была Франция, в военных сражениях Крымской войны (*rue Malakoff, avenue / rue Sébastopol, rue d'Inkermann, station du métro Le Kremlin-Bicêtre* и др.), о сражениях во время Великой Отечественной войны, для французов, как и для всех государств в мире это Вторая Мировая война (*avenue / allée / boulevard / place / rue* (*de*) *Stalingrad*);

2) именования в память об исторических событиях, символизирующих франко-российскую дружбу, как например, в память о первом приеме французской эскадры в русских водах в порту Кронштадта в Финском заливе в 1891-1892 гг., где размещался Северный флот Франции в рамках Франко-российского союза (*rue de Cronstadt*), или в память об открытии ко Всемирной выставке в Париже в 1900 году моста, который был призван символизировать франко-российскую дружбу, установленную подписанием союза, заключенного в 1891 году между императором Александром III и президентом Французской Республики Сади Карно, первый камень был заложен царем Николаем II, императрицей Александрой Федоровной и президентом Феликсом Фором 7 октября 1896 г. (*Pont Alexandre III*);

3) именования в честь российских канонизированных князей и полководцев, например, *Cathédrale Saint-Alexandre-Nevsky.* Появление русской церкви в Париже тесно связано, как и в большинстве стран, с обменом дипломатическими миссиями. Отношения между Францией и Россией берут начало в XI веке, когда Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, вышла замуж за короля Франции Генриха I (1051 г.). Однако постоянных представительств до визита Петра Великого во Францию в 1717 году не было, когда были установлены более тесные дипломатические отношения и открыто постоянное посольство. Отсутствие в окрестностях диппредставительства постоянного православного храма, который служил бы центром духовного единения всех православных христиан во Франции, послужило учреждение Указом царя Александра I от 12 февраля 1816 года церкви греко-православного вероисповедания при дипломатическом представительстве в Париже. Этот факт положил начало непрерывного существования русской церкви в Париже. Первый камень был торжественно заложен 3 марта 1859 года, а работы завершились в августе 1861 года. Церемонию посвящения святому Александру Невскому совершил монсеньор Леонс 11 сентября 1861 г., в день перенесения мощей святителя из Владимира в Санкт-Петербург в 1724 г.

Бульвар Цесаревич (*Boulevard Tzaréwitch*) назван в память о Цесаревиче Николае Александровиче Романове, второго ребенка и первого сына императора Александра II и императрицы Марии Александровны, урожденной принцессы Марии Гессенской и Рейнской, который скончался после тяжелой болезни в 1865 г. в Ницце. Российская императорская семья повелела построить часовню Цесаревича на месте смерти великого князя Николая. В 1867 году на месте кончины Цесаревича была заложена и в один год выстроена часовня-памятник. Впоследствии в 1903–1913 годах рядом с часовней был возведен пятиглавый собор святителя Николая Чудотворца. Открытый в 1912 году, православный храм часто называют «Русским собором Ниццы». Бульвар Цесаревич в Ницце,

расположенный недалеко от «Русского собора», до сих пор увековечивает память Великого Князя Николая;

4) именования в память о великих российских политических лицах, деятелях культуры и науки: годонимы *avenue / allee / square / boulevard / rue / place / passage / impasse* / *chemin Lénine*, названные в честь Владимира Ильича Ленина (1870-1924), отдают дань уважения вождю пролетариата всего мира, русскому революционеру, политическому теоретику и российскому государственному деятелю, который возглавил Великую Октябрьскую социалистическую революцию в 1917 году, пришел к власти после падения царизма и основал Советское Социалистическое государство: *Square Tolstoï* (Сквер Толстой) получил свое нынешнее название по указу от 14 августа 1934 г в честь русского писателя и моралиста Льва Николаевича Толстого. В 1955 году в сквере установлен бюст Льва Толстого; годонимы *allée / rue Rimski-Korsakov* (аллея / улица Римского-Корсакова) именованы в дань памяти о величайшем русском композиторе второй половины XIX века, члене «Могучей кучки», которая создала уникальный музыкальный язык, отражающий дух русского народа и его богатую культуру, дирижере Николае Андреевиче Римском-Корсакове;

5) именования в честь известных представителей России, связанных с великими мировыми событиями. Урбанонимы *rue / arrêt / square / parc Youri Gagarine*, названные в дань уважения первому советскому летчику-космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину. Годонимы *rue / allée Valentina Terechkova* посвящены первой в мире женщине – пилоту космического корабля Валентине Владимировне Терешковой, которая 16 июня 1963 года в возрасте 26 лет продемонстрировала очередное достижение советской космонавтики и навсегда вписала свое имя в историю, совершив полет в космос в одиночку, и которая по сей день остается самой молодой представительницей прекрасного пола, побывавшей на орбите. Имя первой женщины космонавта имеют запечатлено в 9 годонимах на территории Франции;

6) именования в честь известных русских людей, когда-либо проживавших во Франции. *Rue Mstislav Rostropovitch* (улица Мстислава Ростроповича) получила свое название в дань уважения всемирно известному виолончелисту и дирижеру Мстиславу Леопольдовичу Ростроповичу. Великий кавалер Французского Почетного легиона, кавалер ордена Британской империи, член Академии искусств и наук США, Шведской королевской академии, Королевской академии Великобритании, являлся почётным доктором сорока университетов среди самых престижных в мире (Йель, Принстон, Гарвард, Оксфорд, Кембридж и др.). В 1978 г. Мстислав Ростропович с женой Галиной Вишневской переехали в Париж. В 1990 г. они вернулись в Москву. В марте 1998 г. Ростропович стал послом доброй воли ЮНЕСКО и поддерживал образовательные и культурные проекты, а также международный призыв ЮНЕСКО к художественному образованию в школах. *Rue Marie Skobtsov* (улица Марии Скобцовой) названа в марте 2013 года в память о Елизавете Юрьевне Скобцовой (1891–1945), покинувшей Россию в годы Гражданской войны и в Париже принявшей постриг под именем Марии; во время оккупации Парижа

мать Мария участвовала в Сопротивлении, была арестована гестапо и погибла в концлагере Равенсбрюк.

Таким образом, исследованные французские урбанонимы подтверждают мысль о том, что русский онимический код в их составе представлен антропонимическим, топонимическим, лингвокультурными субкодами «титулы», «архитектурно-гастрономическим» в агоронимах, годонимах, хоронимах, экклезионимах, ойкодомонимах, стафмонимах, синдриванионимах по всей территории Французской Республики. Урбанонимы рассматривались с позиций носителей русского культурного кода. Образы великих людей – деятелей культуры, политиков, ученых, а также населенных пунктов и территорий России отражены в 362 урбанонимических единицах. Наделенные исторической, географической и социальной информацией, урбаноним не только идентифицирует экстралингистический объект, но и обладает закодированной в нем культурной информацией, что указывает на заложенный в нем объем символического потенциала, ассимиляцию идиоэтничности потенциала имени собственного в виде атрибутивного компонента урбанонима с идиоэтничностью десигната. Культурный смысл атрибутивного компонента урбанонима является результатом деятельности памяти, обусловленной функциями, заключающимися в узнавании, сохранении и воспроизведении культурного кода, значимого не только для культуры этноса-носителя, в данном случае русского, но и для этноса-ретранслятора культуры носителя, в данном случае французского. При достаточно скромной доле рассмотренных французских урбанонимов, можно отметить, что существуют несколько мотивов в политике французского нейминга с использованием русского онимического кода, которая может быть направлена на закрепление в общественном сознании французов представления о России и русской культуре.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Имплицитность художественного слова как когнитивно-дискурсивная категория // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12 (107). – С. 5-11.

Аверьянов В.В. Духовный генокод. Витки спирали // Изборский клуб. Русские стратегии: Русские коды. – 2020. – № 10 (86). – С. 6-19.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова; отв. ред. выпуска Н.Н. Болдырев. – Москва; Тамбов, 2009. – Вып. IV. – С. 25-77.

Волошкина И.А. Манифестация локативного тезауруса в русском и французском пространствах фразеологии // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов по филологии / сост. Г.А. Багринцева. – Астрахань: ИД «Астраханский университет» ФГБОУ ВО «АГУ, 2019. – № 10. – С. 14-19.

Волошкина И.А. Топоним как способ языковой интерпретации категории пространство // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 101-106.

Волошкина И.А. Ретроспектива формирования французских топонимов: диахронический аспект // Образование, наука, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Белгород, 15 марта – 15 февраля 2022 г.). – Белгород: Изд-во БУКЭП АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2022. – С. 24-38.

Горицкий В.А. Россия в названиях улиц Парижа : [Путеводитель] / В.А. Горицкий. – [Париж]: Goritsky, 1997. – 157 с.

Ефименко Т.Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 3 (3) – С.188-191.

Киреева И.И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 22 с.

Ковшова М.Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 745-756.

Красных В.В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В.Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация. – 2014. – № 50. – С. 167-175.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении; М-во образования Рос. Федерации. Смолен. гос. пед. ун-т, Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. Смоленск, 2002. – В 2 ч. – Ч. 1. – 184 с.

Савицкий В. М. Английская фразеология: проблема моделирования – Самара: Изд-во: Самарский университет, 1993. – 171 с.

Уракова Ф. К. Языковая личность как продукт и носитель культурного кода народа / Ф. К. Уракова, Д. Д. Жажева, С. Н. Пханаева, И. В. Щербашина // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 308-316.

REPRESENTATION OF RUSSIAN ONOMASTIC CODE IN THE URBANONYMIC SPACE OF FRANCE

Voloshkina Inessa Anatol'evna
Candidate of Philology, lecture of department of foreign languages
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Abstract. The article, which considers the problem of representation of the Russian onymic code in the attributive part of French urbanonyms, reveals that the formation of the Russian onymic code is facilitated by the wide national and historical popularity of the denotate of the Russian onym, the stability of the associative-cultural background of the onymic unit and the actualisation of value-significant cultural information, inscribed in the system of Russian culture transmission. The use of the Russian onymic code represented by anthroponymic, toponymic, linguocultural subcodes 'titles', 'architectural-gastronomic' in agoronyms, hodonyms, choronyms, ecclesionyms, oikodomonyms,

stafmonyms, sindrivanionyms, is motivated by perpetuating the memory of the victory of the French army as part of the Allies on the territory of Russia, of historical events connected with Russian-French cooperation, of great Russian dignitaries, political figures, cultural and scientific figures of Russia.

Key words: anthroponym, gephyronym, hodonym, linvocultural code, onymic code, urbanonym, choronym.

НАЗВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В АССОЦИАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Григорьева Евгения Андрияновна,
аспирант кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия
Борисова Людмила Валентиновна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и литературы,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу русских и чувашских загадок, репрезентирующих концепт «головные уборы». В ходе исследования установлено, что в сравниваемых языках метафорический перенос осуществляется либо по внешнему сходству с предметом (форма, цвет), либо по сходству выполняемых функций. В результате сопоставительно-семантического анализа языкового материала выявлены как универсальные особенности репрезентации головных уборов, так и национально-специфические черты, обусловленные различием русской и чувашской культур.

Ключевые слова: вторичная номинация, головной убор, загадка, концепт, метафора, языковая картина мира.

Загадка является одним из жанров устного народного творчества и представляет собой короткое иносказательное изречение. В основе любой загадки, как отмечают исследователи, лежит принцип вторичной (непрямой) номинации, «состоящий в преднамеренно иносказательном обозначении объекта, сознательном употреблении такого именования, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его вуалированно» [Орлова, 2023, с. 90-91]. Загадкам свойственна поэтизация, метафоричность и наличие широкого ассоциативного пространства, что позволяет назвать их репрезентантами определенных концептов.

В парадигме господствующего антропоцентрического языкознания структурно-семантическое исследование концепта «головные уборы» на материале народных загадок в контексте национальных языковых картин мира представляется весьма перспективным, поскольку традиционные народные загадки, так же как и пословицы и поговорки, являются хранилищем культурных смыслов и представлений. Опираясь на данный факт, мы можем заключить, что сопоставительно-семантический анализ русских и чувашских загадок,